

Лучшие романы об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ

Гуров не
церемонится

Полковник Гуров

Николай Леонов

Гуров не церемонится

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Гуров не церемонится / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-96113-9

Бизнесмен Николай Савельев был в командировке, когда на его особняк напали неизвестные. Они связали жену бизнесмена и похитили его маленьких детей – мальчика и девочку. Узнав о случившемся, Савельев срочно вернулся в Москву. И буквально через несколько дней на него было совершено покушение. Взятый за расследование этого дела полковник Гуров пришел к выводу, что к обоим преступлениям причастна супруга Савельева. Чтобы выяснить мотивы, полковник досконально изучил биографию женщины и пришел в ужас! Правду говорят, чужая душа потемки, а уж женская – тем более...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96113-9

© Леонов Н. И., 2017
© ЭКСМО, 2017

Николай Леонов, Алексей Макеев

Гуров не церемонится

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Застолье в загородном доме Игоря Петровича Болотина, одного из богатейших людей России, по случаю его дня рождения явно удалось. В доме Игоря, точнее в саду, в беседке и рядом с ней, где и проходил праздник, собрались только близкие имениннику люди, а, поскольку весна, хоть и поздняя, в этом году теплом не баловала, то все надели джинсы и свитера, то есть обстановка была самая неформальная.

Лев Иванович Гуров, отдавший должное угощению, но всему понемногу из-за своего панкреатита, в общем разговоре не участвовал, а, присев под деревом в плетеное кресло, наблюдал за своей женой Марией, которая возилась с обожавшими ее маленькими дочками Болотина. «А может, все-таки нужно было нам тогда завести детей? – думал он. – Не так уж много лет нам в то время было. И сейчас Мария уже со своим ребенком возилась бы. Хотя... Что теперь-то об этом сожалеть!» Переведя взгляд на беседку, Лев Иванович увидел, что Болотин кивнул ему, указав в сторону сада, давая понять, что им нужно поговорить наедине.

Гуров поднялся и неторопливо направился в глубину сада, недоумевая, что же такое могло случиться у Игоря, потому что после некоторых событий, которые их и сдружили, он порекомендовал Болотину на должность начальника службы безопасности очень надежного и знающего человека, своего давнего знакомого, в порядочности которого не сомневался. Правда, Игорь еще не оставил надежду перетащить Гурова к себе на должность заместителя по вопросам безопасности, суля хороший оклад и все остальное, к тому прилагающееся. Но, зная характер Левы, особо не настаивал, рассуждая так: предложение было сделано, срок оферты – неограничен, а уж когда Гуров созреет до того, чтобы принять его, это Льва Ивановича, дело.

– Что у тебя стряслось? – спросил Гуров, когда Болотин догнал его.

– У меня? – усмехнулся Игорь. – С тех пор как у меня в друзьях полковник-важняк из Главка, тем более что это сам Гуров, у меня по определению ничего случиться не может – нема дурных со мной связываться.

– Сплюнь, а то сглазишь, – посоветовал Гуров, и Игорь суеверно трижды плюнул через левое плечо. – Тогда к чему эти тайны мадридского двора?

– Скажи, Лева, тебе фамилия Савельев ничего не говорит? – спросил, в свою очередь, Болотин.

– А он из наших или из ваших? А то фамилия распространенная, – поинтересовался Гуров.

– Из наших, – ответил Болотин.

– Ну, тогда извини, – развел руками Гуров. – Я в нашей российской бизнес-элите слабо разбираюсь. Или он к ней не относится?

– Относится, но он не из первого эшелона, – сказал Игорь. – У Савельева значительное состояние, только не светится он нигде: ни на телевидении, ни в прессе. Он вообще очень замкнуто живет.

– Скромность обуяла? – хмыкнул Гуров.

– Нет, внешность подвела, – покачал головой Болотин. Как он объяснил, когда-то во время пожара Савельев сильно пострадал, вот шрамы на лице и остались. – В общем, если встретишься с ним, сам поймешь.

– А зачем мне с ним встречаться? – недовольно поинтересовался Гуров. – Частным сыском я не занимаюсь, а если у него что-то произошло, то пусть нажимает на все свои связи и ставит под ружье хоть всю полицию Москвы.

– Да нельзя ему в полицию обращаться, – вздохнул Игорь. – Короче, о том, что произошло, знают только в его семье, в смысле, охрана и прислуга, естественно, тоже в курсе. А из посторонних – только я, потому что он о нашей с тобой дружбе знает, вот и попросил помочь.

– Комиссионные с него возьмешь? – пошутил Гуров и по хмурому взгляду Болотина понял, что сказал что-то не то. – Так, что у него случилось такого, что он в полицию обратиться не может? – уже совсем другим тоном спросил Лев Иванович.

– У него детей украли, – объяснил Болотин. – Им по полтора годика, мальчик и девочка, близнецы.

– Господи! Какое счастье, что у нас с Машей нет детей! – невольно воскликнул Гуров. – Нет, я, конечно, понимаю, что дети – это самая большая радость для человека, но и самое уязвимое его место, такая болевая точка, что надави на нее, и человек последнее с себя снимет и отдаст, чтобы только с ними ничего не случилось. – Болотин в знак согласия покивал. – Ну, теперь я понимаю, почему он боится в полицию обращаться. А когда это произошло? Требования какие-нибудь уже выдвигали? Выкуп или еще что-то?

– Это произошло месяц назад...

– Месяц?! – удивился Лев Иванович.

– Да, месяц! И записку оставили: «Жди! Если сунешься к ментам, детей живыми не увидишь!»

– И они целый месяц ждут?! – приподнял брови Гуров.

– Савельев напряг свою службу безопасности, потому что даже частных детективов побоялся нанимать, но... – Болотин развел руками. – Вот он и обратился ко мне, чтобы я его с тобой свел. Я предупредил его, что ты частным сыском не занимаешься, но он попросил, чтобы ты просто посмотрел все отчеты и подумал, что еще в этой ситуации можно сделать.

– Конечно, посмотрю, – твердо пообещал Лев Иванович. – Так, сегодня у нас суббота... Я вечером изучу документы, а завтра, если до чего-нибудь стоящего домыслию, могу с ним встретиться.

– Тогда, как уезжать будешь, я тебе «дипломат» с бумагами отдам – ксерокопии, естественно. А ты уж подумай, чем ему помочь можно.

– Я ему обязательно помогу! Господи! В каком же аду они живут этот месяц! А что вообще представляет собой этот Савельев? – спросил Гуров.

– Скажу сразу: я с ним дел не веду – разные у нас сферы деятельности. Да и знакомы-то шапочно, хотя и соседствуем в одном поселке – он здесь где-то года четыре назад дом купил. Но, когда он ко мне со своей бедой пришел, я тут же пообещал сделать все, что в моих силах, – сам понимаешь, что я в этот момент о своих принцессах подумал. Представил себе, что было бы со мной, если бы их украли. Да я бы просто с ума сошел! А о матери и говорить-то нечего!

– Да, бедная женщина, – посочувствовал Лев Иванович жене Савельева. – А что еще ты о нем знаешь?

– Слышал только, что бизнес свой он ведет честно.

– И налоги честно платит? – усмехнулся Гуров.

– Чего не знаю, того не знаю, но вот что его слову можно верить – это точно. Если он что-то пообещал, сделает обязательно, потому-то сторяча ничего не говорит. Выслушает, возьмет время на обдумывание и только потом ответит «да» или «нет».

– То есть это не месть человека, которого он подставил, – понял Лев Иванович.

– Да, этого за ним не водится, – подтвердил Болотин. – Ладно, пошли, а то нас там уже хватились, наверное.

Вернувшись домой, Гуров открыт переданный ему Игорем «дипломат» и, несмотря на ворчание жены, что ему, дескать, и в наиредчайшие выходные покою не дают, углубился в изучение документов. Мысль о том, чтобы объяснить Марии, чем он занят, ему и в голову не пришла. Во-первых, потому, что в подробности своих дел он жену не посвящал. А во-вторых, она своими ахами, охами и причитаниями по поводу похищения бедных малышкой сбивала бы ему весь рабочий настрой. А настроен Гуров был очень решительно.

Была уже глубокая ночь, когда он отложил последний документ и призадумался. Объем работы, который провернула за этот месяц служба безопасности Савельева, был колоссальным, особенно, если учесть, что работать приходилось в обстановке строжайшей секретности – а то вдруг похитители приравняют эти поиски к деятельности полиции, и это приведет к самым трагическим для детей последствиям. Люди Савельева не упустили ничего, отработали все, что возможно, а на выходе – ноль. И теперь Гурову предстояло решить, что еще можно сделать. Он тихонько, чтобы не разбудить спавшую жену, переместился на кухню и, приготовив себе чай, стал снова прокручивать в уме всю эту кошмарную историю.

Итак, все произошло чуть больше месяца назад. Сам Савельев был по делам за границей, а в доме оставались его жена с детьми, две горничные и двое охранников. Один охранник дежурил в сторожке возле ворот, а второй, как и горничные, спал в доме на первом этаже. Утром горничная, удивленная тем, что хозяйка так долго спит, а ночевала она в комнате детей, пошла туда, чтобы посмотреть, не случилось ли чего. И, как оказалось, случилось! Окно в детской было открыто, детские кроватки – пусты, а сама хозяйка лежала со скованными за спиной наручниками запястьями и с кляпом во рту, причем по следам ее жизнедеятельности (иначе говоря, ходила она под себя) было видно, что обездвигили и вообще вырубил женщину еще ранней ночью, если так можно сказать. Главным же была записка, в которой, как и говорил Болотин, родителям рекомендовалось ждать и не соваться к ментам. Освобожденная и приведенная в чувство мать была вне себя от горя и рвалась бежать на поиски детей. Охрана в этом случае, забыв о пиетете, снова скрутила хозяйку и срочно связалась со своим начальством, а уже оно сообщило обо всем Савельеву. Наплевав на дела, тот тут же вылетел в Москву.

Служба безопасности Савельева работала по схеме, то есть грамотно. Записи с камер слежения на самом доме и на въезде в поселок были изучены самым подробным образом, но результата это не принесло – чужих возле дома в ту ночь не было, а, поскольку жили Савельевы обособленно, то и в гости к ним никто не приезжал. Только накануне днем машина интернет-магазина привезла заказанные игрушки для детей – двух огромных медведей, но посыльный вошел с двумя большими коробками, которые на входе были тщательно досмотрены, и очень скоро с ними, уже пустыми, и вышел. Дети были в восторге от новых игрушек и вопили на весь дом. Разгулялись они вовсю, так что вечером мать с трудом уложила их спать – няни у детей временно не было. Собак в доме не водилось, так что поднять тревогу было некому, а вот привезенная овчарка след, который, по идее, должен был вести от окна куда-то за пределы участка, не взяла. Срочно организованные поиски во всех направлениях ничего не дали: ни человеческих следов, ни следов протекторов от машины не нашлось. Словно бестелесный дух детей украл. Или ниндзя какой-нибудь, который передвигается по воздуху аки посуху.

Из поселка до трассы вела только одна дорога, от нее ответвлялись несколько проселочных, и вдоль них все обыскали самым тщательным образом, но безрезультатно. По трассе в обе стороны были опрошены все, кто работал в ту ночь: служащие АЗС, гаишники, продавцы круглосуточных магазинов и забегаловок, но никто не видел машины с детьми. Хотя... Тот подонок, что их похитил, мог их и в багажник засунуть, с такого станется! Но! А если бы его гаишники тормознули? И предложили багажник открыть? Что тогда? Ведь ни одной машины с «козырными» номерами в ту ночь на посту ГИБДД, расположенном на выезде с дороги на

трассу, зафиксировано не было. То есть они не выезжали из поселка, а вот въезжало таких сколько угодно.

Аэропорты тоже без внимания не остались. Были получены списки всех пассажиров, кто в ту ночь вылетал с детьми за границу, но близнецов такого возраста среди них не было. Поезда тоже тщательно проверяли, и снова безрезультатно. Да, по правде говоря, нужно быть последним кретином, чтобы отправиться куда-то по железной дороге с малышами, потому что в полтора года дети уже, по идее, должны понимать, где родная мама, а где чужая тетя или дядя, будут капризничать, плакать, чем привлекут внимание. А на снотворном их тоже долго не удержишь, потому что опять-таки подозрительно: а чего это дети все время спят? Нет, поезда отпадают. Электрички? Тоже сомнительно, и по той же причине – близнецы всегда невольно привлекают внимание. Значит, только машина. Но откуда она взялась, если поселок покидали только его обитатели: господа – на автомобилях, а прислуга – на своих двоих до ближайшей остановки автобуса.

Возникла естественная мысль: а не были ли дети спрятаны в одном из домов поселка, чтобы потом, когда страсти улягутся, спокойно вывезти их оттуда. Но люди Савельева и эту возможность отработали: среди документов имелся перечень владельцев домов с указанием, кто и где находился той ночью, да и люди были порядочные, из тех, кто не станет заниматься киднеппингом. Да и потом, зачем им ждать целый месяц? Ну, выдвинули свои требования, получили деньги на какой-нибудь счет в офшорном банке, а потом, перебрасывая их со счета на счет, запутали следы так, что днем с огнем не найти. А если детей уже нет в живых? Возможный вариант. Но когда это похитителей останавливало? Если дело только в деньгах, то эти подонки ведут себя совершенно нелогично. А вот если здесь замешано что-то личное, то это объясняет все! Но узнать о том, кому же Савельев так сильно дорогу перешел, можно только у него самого, значит, завтра нужно с ним встретиться с соблюдением всех возможных правил конспирации, чтобы невольно еще больше не обострить ситуацию.

Гуров достал из документов визитку Савельева и отложил ее в сторону. Собирая разложенные на столе бумаги, он взял фотографию малышкой и невольно умилился: две очаровательные детские мордашки в обрамлении черных кудряшек радостно улыбались в объектив, сияя темно-кариими глазами. «Господи! Маленькие! Вам-то за что все это?» – покачал он головой и убрал документы в сейф.

Засидевшийся накануне допоздна Гуров был разбужен ни свет ни заря телефонным звонком и, когда тянулся к трубке, успел сонно подумать, что уже давненько его так, в порядке аврала, не поднимали – все-таки положение уже не то. И этот очень ранний телефонный звонок говорил о том, что случилось нечто экстраординарное.

– Лева! – взволнованно прокричал в трубку Орлов. – Да очнись же ты, черт бы тебя побрал!

– Излагай! – пробормотал Гуров. – Где горит?

– У нас горит! Этой ночью пытались убить Савельева Николая Степановича. Слышал о таком?

– Что?! – заорал Гуров, взвившись над кроватью, чем разбудил жену, которая, пусть и негромко, чтобы не отвлекать мужа от разговора, начала ругаться.

– Значит, слышал, – понял Петр. – Где он живет, знаешь?

– Да знаю! Знаю!

– Хорошо! Тогда собирайся мухой и дуй в больницу, что прямо по этой трассе на въезде в Москву. Сам он без сознания, но вот один из охранников более-менее в порядке и сможет тебе хоть что-то рассказать. И Христом Богом прошу тебя, выложишься ты по полной! А то последствия для меня могут быть самые плачевные.

– Все настолько серьезно? С чего бы это? – насторожился Гуров.

– А с того, Левушка, что фирма у Савельева очень скромно называется «ЗАО «Сибирь-матушка», но вот деньги, причем чистые, там крутятся такие, что к нему, бывает, и губернаторы на поклон идут, чтобы в долг попросить. Так что замминистра, которого среди ночи подняли, рвет и мечет. Он позвонил мне домой и потребовал самого наилучшего профессионала, то есть тебя, и я за тебя, как за самого себя, поручился. Пообещал, что ты очень оперативно во всем разберешься. Главное, чтобы все было тихо, никакого скандала, никакой огласки – упаси бог, если журналисты что-то пронюхают. И еще: постарайся с этими людьми поладить и на мелкие нарушения закона внимания не обращай – они там все люди простые, так что ты уж характер свой попридержи, а то ведь урожай шишек мне на свою голову собирать придется.

– Еду! – ответил Гуров и стал спешно собираться.

Глядя, как супруг мечется по квартире, Мария не выдержала и сварливо сказала:

– А я-то, наивная, размечталась, что у тебя в кои-то веки выдались целых два выходных дня подряд, которые можно было бы провести вместе. На крайний случай к Стасу на дачу съездить. Так нет! Позвонил кто-то, и ты тут же неизвестно куда срываешься. Я так надеялась, что в этот раз обойдется без происшествий, без экстренных вызовов на работу, без командировок. Скажи, в нашей семье когда-нибудь будет покой?

Гуров резко повернулся к жене и жестко сказал:

– Во-первых, Маша, выходя за меня замуж, ты знала, кем и где я работаю. Так что бачили оченьки, шо куповалы. А во-вторых, это звонил Петр. Произошло нападение на человека, у которого месяц назад украли детей! Мальчика и девочку! Близнецов полутора лет! И предупредили, чтобы не обращался в полицию, а то живыми детей не увидит! Он целый месяц ждал! А потом, когда сил ждать больше уже не было, попросил меня посмотреть документы! Только посмотреть! И посоветовать, что можно сделать! Я не знаю, откуда произошла утечка информации и связано ли это нападение со мной, но этой ночью его попытались убить. И я не успокоюсь до тех пор, пока не найду тех подонков, кто это сделал.

Он отвернулся от жены и продолжил сборы. В этот момент сзади него раздался сдавленный вскрик. Он быстро обернулся и увидел, что поднявшаяся было Мария рухнула обратно на кровать, и теперь сидит, прижав руки к груди, а в глазах у нее стоят слезы.

– Левушка! Пусть бог меня накажет за такие слова, но хорошо, что у нас нет детей, – рыдающим голосом проговорила она. – И как же ты был прав тогда, много лет назад, когда убедил меня не рожать, говоря, что при твоей работе это очень опасно. Если бы такое случилось с нашим ребенком, я бы этого не пережила. Пообещай мне, что ты найдешь того, кто это сделал!

– Можешь не сомневаться! Найду! – сказал, словно поклялся, Гуров.

В приемном покое больницы в этот час было пусто и тихо. Лев Иванович уже собрался спросить, где находится Савельев, когда его окликнули по имени. Повернувшись, он увидел полковника в отставке Сергея Владимировича Тимофеева, своего бывшего коллегу, с которым они в одно время работали в МУРе, но не дружили, и даже не притесествовали. И не то чтобы Гуров его не любил, он уважал его за честность и порядочность – этого у Тимофеева отнять было нельзя, но работником он был средненьким, звезд с неба не хватал, и Льву Ивановичу было с ним просто неинтересно общаться.

– Лева, – сказал тот, протягивая бывшему коллеге медицинский халат, – ты ведь Савельева ищешь? – Гуров в знак согласия кивнул, и Тимофеев объяснил: – Я начальник его службы безопасности. Пойдем, тебя уже ждут.

«Каков поп, таков и приход, – невольно подумал Гуров. – Будь Савельев из первого эшелона, у него и работники были бы соответствующие, а не это пустое место. Хотя и сам Болотин в свое время тоже неслабо лопухнулся со своим начальником службы безопасности, а вот у Тимофеева люди выложились по полной. Значит, научился он все-таки чему-то после того, как я в Главк ушел. А может, просто народ толковый собрал. Ладно, разберемся».

– Кто ждет? Врачи? – уточнил он на всякий случай.

– Нет, здесь сейчас находится Леонид Максимович Погодин, друг и компаньон Николая Степановича, который его сюда и привез. Как он сказал, ему о многом надо с тобой поговорить, но я хочу тебя предупредить, что человек он непростой, так что ты постарайся найти с ним общий язык.

– Что? Пальцы веером? – неприязненно спросил Гуров.

– Сам увидишь, – нехотя отозвался Тимофеев.

– Я им нужен больше, чем они мне, – огрызнулся Лев Иванович. – Так что пусть это они постараются со мной общий язык найти!

В коридоре возле двери операционной на двух стульях, потому что на одном не поместился бы, сидел мужчина лет пятидесяти, одетый довольно просто: в джинсы, пуловер и черную лайковую куртку, да вот только один его пуловер стоил больше, чем костюм Гурова. Он не был толстым, он был крупным и, очевидно, сильным физически. Он о чем-то напряженно думал, а неподалеку от него стояли несколько парней и, поглядывая в его сторону, явно ждали приказа. Когда Гуров и Тимофеев подошли к нему и он поднял на них глаза, похожие на отверстия двух пистолетных стволов, Лев Иванович мысленно хмыкнул: «Две ходки как минимум, и не по хулиганке».

– Леонид Максимович, это полковник Гуров Лев Иванович, о котором я вам говорил, – сказал Сергей Владимирович.

– Погодин, – представился мужчина, вставая, и оказался при этом на голову выше отнюдь не маленького Гурова. – Не обессудьте, но господином звать не буду. И не потому, что так тоскую о «товарищах», а просто для меня только один господин – бог. Обращение «Гуров» вас устроит? Или предпочитаете по имени-отчеству?

– Лучше по фамилии, – ответил Гуров, который разозлился оттого, что этот человек ему не нравился, а вот придрасться было не к чему – к нему отнеслись весьма уважительно.

– Ну а вы можете ко мне обращаться, как вам удобно, – сказал Погодин. – Если не возражаете, мы с вами дождемся, когда закончится операция, а потом очень предметно побеседуем в доме Николая – нас там уже ждут.

– Для начала я хотел бы поговорить с тем охранником, что остался цел, – возразил Лев Иванович.

– Он сейчас спит после операции, – объяснил Леонид Максимович. – Но я могу передать все, что он сказал мне. Итак, Николай спал в кабинете – он у него на первом этаже находится, а его так называемая супруга, – с ненавистью выговорил Погодин, – на втором. И ноутбук у нее был включен на тот случай, если похитители передадут какое-то сообщение. И оно пришло. Она начала орать как резаная, все сбежались, и Колька тоже. Это была фотография. Я ее не видел, но, как сказали, там были дети с перерезанными горлами и приписка: «Тебя предупреждали. Если хочешь забрать их трупы, они в мусорном баке возле твоего офиса. Не успеешь, их утром вывезут на свалку», – ровным голосом рассказывал он.

А вот Гуров, услышав это, глухо застонал, мотая головой, а потом, не выдержав, выругался.

– Они хотели выманить его из дома, причем ночью, – процедил он сквозь зубы.

– Да! – кивнул Погодин. – И это им удалось. Когда мне сообщили об этой фотографии и приписке, а также о том, что он собирается немедленно выехать из дома всего с двумя охранниками, без машины сопровождения, я приказал задерживать его сколько получится, а сам со своими ребятами на двух машинах рванул к нему в поселок. Гнали как сумасшедшие. И, к счастью, почти успели.

– Что значит «почти»? – уточнил Гуров.

– Когда свернули с трассы на дорогу к поселку, то нажали на клаксоны и гудели постоянно. Думаю, это Кольку и спасло. То есть что его не добились.

– Так что же произошло? – нетерпеливо спросил Лев Иванович.

– Я в таких делах не специалист, однако ребяташки сказали, что гранату в машину бросили. Но, судя по тому, как она стояла, Олег – он за рулем сидел, – видно заметив что-то, резко затормозил и одновременно развернул машину вправо, чтобы принять удар на свою сторону, вот граната и взорвалась всего лишь рядом с машиной. А Валька, тот, что рядом с Олегом сидел, назад перегнулся и Кольку вниз постарался повалить, собой закрыв. Олежа погуб, а вот Валька, тот, надеюсь, оклемается, хотя у него вся спина осколками утыкана, как ежик иголками. А гад этот гудки наши не мог не слышать. Потому-то, видно, к машине и побоялся подходить, так, судя по следам на кузове, всю обойму расстрелял, причем целил, паскуда, именно в то место, где Колька обычно сидит, и сбежал – там же по обе стороны дороги лесопосадки. Наверное, машина у него неподалеку припрятана была. Подъехали мы, глядим: от Колькиной машины одно название осталось, Олег мертвый, Валька – без сознания, и Колька тоже. Он, видать, головой обо что-то сильно ударился, так что и башка, и лицо у него в крови были, да и костюм тоже. А еще могло осколками с пулями зацепить. Вытащили мы их, Олега на обочине положили, я полицию вызвал и одного парнишку оставил ее дожидаться, других – к Кольке в дом послал, а его самого с Валькой ко мне в машину положили, и погнал я в ближайшую больницу, то есть сюда. Вальку-то быстро прооперировали, а сейчас вот с Колькой занимаются.

– Какие прогнозы по поводу Савельева? – спросил Гуров.

– Только благоприятные, – твердо ответил Погодин.

– Откуда такая уверенность? – удивился Лев Иванович. – Врачи сказали?

– А я им предложил на выбор. – С этими словами Погодин достал одновременно из одного кармана банковскую упаковку тысячных купюр, а из второго – «вальтер». – Разрешение имеется, – предупредил он возможные вопросы Гурова. – Они подумали, посоветались и сказали, что вытащат Кольку. Правда, не больно-то я в их мастерство верю, но, главное, чтобы он жив остался, а уж вылечить мы его потом вылечим.

– А если бы они сказали, что ничего сделать не могут? Что тогда? – опять начал заводиться Гуров.

– А у меня, как и у Кольки, да и у всех нас, слова с делом никогда не расходятся. И они, видимо, это поняли, – спокойно ответил Леонид Максимович.

– Что? Никак лихие девяностые забыть не можете? – не удержался Гуров.

– А я их не застал, другим делом занят был, – равнодушно бросил в ответ Погодин, и Гуров, поняв, что тот в это время отбывал срок, поинтересовался:

– Там и с Савельевым познакомились?

– Колька никогда не сидел, – спокойно ответил Леонид Максимович. – Я с ним встретился, когда в его бригаду нанялся, но это разговор отдельный.

– Хорошо, отложим, – согласился Гуров. – Но предупреждаю, что вопросов у меня к вам будет много, если уж ему самому их сейчас задать нельзя.

– Отвечу на все, мне скрывать нечего, как и всем остальным, они, кстати, сегодня вечером прилететь должны.

– Вы имеете в виду других компаньонов Савельева? – уточнил Лев Иванович.

– Да! И можете даже не сомневаться, что мы за Кольку, если понадобится, вашу гребаную Москву наизнанку вывернем, но того, кто это все устроил, найдем, – угрожающе пообещал Погодин.

– Вы пыл-то поумерьте! Не дома! – недобрым голосом посоветовал Гуров, на что собеседник тяжело взглянул на него. – Скажите лучше, насколько вы в курсе произошедшего? Я имею в виду похищение детей.

– Целиком и полностью. Я же, как только об этом услышал, тут же из Хабаровска сюда вылетел, стал собственное расследование проводить, а еще мне докладывали все то же, что и Кольке, о чем он не знал, как и о том, что я в Москве.

– Какие-то странные у вас отношения, – заметил Лев Иванович. – С одной стороны, вы готовы за него столицу по кирпичику разнести. С другой – скрывали, что в городе. С чего бы это?

– Есть причины, но об этом позднее, – ответил Погодин, глядя за спину Гурова.

Лев Иванович обернулся и увидел, что из операционного блока вышел уставший хирург и, вытирая одной рукой пот со лба, направился к ним. В другой руке у него была кювета с четырьмя пулями.

– Ну? – нетерпеливо спросил Погодин. – Из какого кармана мне что доставать?

– Жив ваш друг и жить будет, – поморщившись от этой бестактности, ответил врач. – Если не считать легких травм, у пациента пулевое ранение левого бедра, но кость не задета. А вот три остальных – брюшной полости. В общем, покопаться нам пришлось изрядно. Сейчас его дошьют и отвезут в реанимацию, так что никаких посещений, вас туда просто не пустят. А вот уж, как в палату переведут, тогда и сможете его увидеть. Кстати, ваш первый раненый уже в палате.

– Спасибо, доктор, – сказал Погодин, протягивая ему деньги.

– Бросьте! – отмахнулся тот. – Думаете, если бы на месте вашего друга был кто-то другой, то мы его не вытащили бы? Вытащили! Работа у нас такая.

– Уже бросил, – сказал Леонид Максимович, опуская пачку денег доктору в карман. – Вы уж там сами как хотите, так и делите. Если лекарства какие-нибудь нужны, так вы только скажите какие, а мы их из любой страны мира привезем.

– Пока ему ничего особенного не надо, а из необходимого у нас все есть. А вот если еще что-то потребуется, то об этом вам уже его лечащий врач скажет. Кому пули отдать?

– Давайте мне, – сказал Гуров. – Я их сам на экспертизу отдам.

– С кем мне нужно согласовать, чтобы мои люди возле палаты Савельева стояли? – спросил Погодин.

– Я могу поставить здесь полицейский пост, – предложил Гуров.

– Не надо, мои ребятишки надежнее, – покачал головой тот.

– Ладно, сейчас я это организую, – пообещал Лев Иванович.

Из больницы они уехали только тогда, когда и пост возле отделения реанимации был выставлен, и Погодин все-таки прорвался туда, чтобы посмотреть на Савельева и убедиться, что тот жив. Очередная пачка купюр, уж неизвестно какого достоинства, перекочевала в карман срочно вызванного заведующего отделением реанимации, и ему было предложено сделать для Николая Степановича все, что только возможно. Кстати, Гуров тоже не упустил случая взглянуть на Савельева, оказавшегося очень худым человеком с изможденным лицом, и удивиться тому, что тот не избавился от застарелых шрамов от ожогов на лице. Он поинтересовался на этот счет у Погодина, а тот только вздохнул:

– Да говорили мы ему, и не раз, но Колька до ужаса боится общего наркоза. Все ему казалось, что уснет и не проснется. А теперь вот пришлось ему это испытать, и ничего, обошлось. Раньше-то они совсем страшные были, он их мазью одной мазал, так что прошли немного, – помолчав, Леонид Максимович спросил: – В моей машине поедем?

– Давайте каждый на своей, – предложил Лев Иванович.

– Ну, тогда держитесь за мной, – согласился тот и с неодобрительным видом покачал головой, взглянув на старенький «Пежо» Гурова, видимо, прикидывая, на сколько ему нужно будет сбавить скорость, чтобы тот за ним поспевал.

Лев Иванович не стал говорить Погодину о том, что прекрасно знает как дорогу в поселок, так и о роли Болотина в этой истории: мало ли как этот бывший, а может, и не бывший уголовник на это отреагирует? И вообще Погодин вызывал у Гурова чувства совершенно противоречивые: с одной стороны, восхищала его преданность другу, а с другой – то, что он втайне от него же проводил собственное расследование, наводило на нехорошие мысли. Не понра-

вилось ему и то, что Тимофеев, все это время безмолвной тенью присутствовавший рядом с ними, ни разу даже не попытался рот открыть. То ли сказать ему было нечего, то ли он так боялся Погодина.

Ворота перед машиной Леонида Максимовича раскрылись еще до того, как он к ним подъехал, а за ним во двор заехали машины и Гурова, и Тимофеева, причем новенький джип Сергея Владимировича выгодно отличался от неприглядной машины Льва Ивановича, которая смотрелась на фоне двух новых иномарок бедной сироткой. Охранники очень уважительно поздоровались с Погодиным, кивнули Тимофееву, а вот Гурова разглядывали очень внимательно, явно стараясь запомнить.

– Где эта сука? – спросил Леонид Максимович у одного из охранников.

– На втором этаже, и при ней врач с медсестрой.

– Пусть один человек под окном встанет, а второй – возле двери, так надежнее будет, – зло бросил Погодин, и Гуров начал уже кое-что понимать в расстановке сил в этой истории.

В доме Савельева стояла такая тишина, словно там лежал покойник. Хотя, по большому счету, это именно так и было – дети-то погибли. Их встретила заревавшая горничная и проводила в кабинет хозяина дома:

– Вам чай или кофе? – спросила она, задержавшись около двери в ожидании распоряжений.

– Придумай сама что-нибудь. И скажи, чтобы компьютер принесли – надо же нам фотку посмотреть, – бросил ей Погодин, и горничная вышла.

– Валькина девушка, – объяснил Гурову Тимофеев. – Пожениться собирались.

– Ничего, бог даст – поженятся, – сказал Леонид Максимович.

Буквально через минуту появился один из охранников и, поставив на стол ноутбук, нашел фотографию, на которую они уставились во все глаза.

– Что за хрень? – недоуменно воскликнул охранник.

– Да вот и я смотрю, что здесь что-то не так, – медленно сказал Погодин и приказал охраннику: – Ты горло увеличь так, чтобы получше видно было.

Парень замешкался – видно, был в компьютерах не силен, и заинтересованный Гуров отодвинул его:

– Погоди, я сам.

Он увеличил изображение так, что горлышки детей оказались во весь экран, и тут охранник уверенно сказал:

– Фуфло голимое! Так не бывает!

– А ты откуда знаешь? – насторожился Гуров.

– Первую чеченскую прошел, там и посмотрелся, что бывает, когда детям горло, как баранам, режут. Первый год от кошмаров по ночам весь в поту от собственных криков вскакивал, а потом ничего, стерлось кое-что из памяти, да и притерпелся немного, – хмуро объяснил тот. – А здесь, – он ткнул в экран монитора, – их, спящих, всего лишь кровью или еще чем полили. Выглядит страшно, а на самом деле просто Степаныча испугать хотели.

– И у них это получилось, – зло сказал Гуров. – А уж прочитав приписку, что их трупы утром на свалку вывезут, он и вовсе голову потерял, как и каждый отец на его месте. И рванул их забирать, чтобы хоть похоронить по-человечески. А его уже на дороге ждали. А дети-то, оказывается, живы! Надо первым делом выяснить, откуда эта почта пришла. Нашим экспертам ноутбук отдавать нельзя, а то вдруг опять информация утечет и в этот раз детей действительно убьют. Есть у меня кудесник один, который в два счета с этим вопросом разберется, – и спросил: – В этом компьютере какие-нибудь рабочие документы могут быть?

– Нет, – покачал головой Погодин. – Колька всегда очень четко разграничивает рабочие и семейные дела.

Гуров достал телефон, не заметив при этом, что тот практически разрядился, и позвонил Ежику, очень талантливому парнишке, которого когда-то вытащил из крайне неприятной истории, и теперь он работал в одном солидном банке специалистом по информационной безопасности.

– Ежик! Я тебе сегодня привезу компьютер, и тебе нужно будет выяснить, откуда пришло одно очень гадкое сообщение.

Но тут Леонид Максимович его перебил:

– Не отвлекайтесь, Гуров. Мой человек и отвезет, и подождет, и заплатит.

Подумав, что ему действительно не стоит тратить время на разъезды, Лев Иванович согласился и сказал Ежику:

– Прошерсти весь компьютер от и до, восстанови удаленные файлы... В общем, не мне тебя учить! Мне нужно знать обо всем, что там когда-нибудь было.

Охранник, получив адрес Ежика и забрав ноутбук, уехал, а Тимофеев воскликнул:

– Так нужно же матери сказать, что дети живы! А то она с ума сходит!

– Я тебе это велел? – раздраженно спросил Тимофеева Погодин, и тот заткнулся. – Вот, когда нужно будет, тогда и скажем.

Гуров повернулся к нему и довольно неприязненно проговорил:

– Послушайте! Вам не кажется, что пора наконец раскрыть все тайны вашего двора, а то вы все что-то темните? А если вы сами способны во всем разобраться, то я вам тогда зачем? Поеду домой досыпать.

– Да расскажу я вам все! – пообещал Погодин.

– И желательно с самого начала, – сварливо заметил Гуров. – Что представляет собой Савельев и кому он так сильно дорогу перешел, что ему решили вот так изуверски отомстить?

Появившаяся со столиком на колесах уже немного успокоившаяся – видимо, ей сказали, что с ее Валентином все обошлось, – горничная быстро поставила на стол и чай, и кофе, принесла тарелки с бутербродами и разнообразной нарезкой.

– Спиртное в баре, и бокалы там же, – сказала она и ушла.

– Будете? – спросил Погодин, направляясь к бару.

И Гуров, и Тимофеев одновременно покачали головами.

– Ну а я себе позволю, а то до сих пор дрожь пробирает, как вспомню, каким я Кольку из машины вытащил.

Он достал из бара-холодильника бутылку водки и толстостенный бокал для виски. Вернувшись на место, щедро плеснул себе и сказал:

– Ну, за здоровье Кольки! – Он выпил в один прием, а потом, шумно выдохнув, предложил: – Ну, поскольку я здесь временно за хозяина, угощайтесь чем бог послал. Как я понимаю, мы все сегодня еще росинки маковой во рту не держали, а день нам предстоит долгий.

С этим трудно было поспорить, и все начали есть, а вот Погодин – одновременно рассказывать:

– Вы, Гуров, хотели знать, что Колька за человек, так я вам скажу. Если он по какому-то недоразумению попадет в ад, так он и там производство организует. И ни одной капли смолы не пропадет, ни одного градуса жары, ни грамма серы! Он и чертей работать заставит! И с раем торговлю наладит! Вот такой талант человеку от бога дан, хотя у него всего лишь среднее образование! А вот в жизни он ни хрена не разбирается! – И в ответ на недоуменный взгляд Гурова покивал: – Да-да! Десять классов, и все! Он про школу не любил вспоминать, потому что дразнили его там, просто жизни никакой не давали – у него же глаза разные: правый – голубой, а левый – карий. Комплексовал он из-за этого страшно, потому и темные очки постоянно носил, а потом уже на цветные линзы перешел. А еще он себе со временем диплом о высшем образовании купил. Убедили мы его, что так надо. А то что же получается? Исполни-

тельный директор большой компании, миллионами ворочает – и недоучка. А учиться ему по-настоящему было некогда – он бизнес на ноги ставил.

– Я просил с самого начала, – напомнил Гуров.

– Да он о прошлом своем мало рассказывал, больно ему было все вспоминать, – объяснил Погодин. – Да и не из болтливых он. Я все, что расскажу, от Димки знаю. Короче! Колька на рабочей окраине Чарджоу родился – это в Туркмении. Родители на железной дороге работали. Сестренка у него еще младшая была. Он до армии вместе с родителями работал, а весной девяносто первого его призвали. Служил он в Мурманской области, и ему там тоже лихо пришлось – он же к морозам не привык, да и гнобили его по-черному. Только письма из дома и согревали. А потом там парад суверенитетов начался. Письма приходиться перестали. Да еще слухи ходили одни страшнее других о том, как там русских целыми семьями вырезали. Он всем, кому только можно было, писал, просил узнать, что с его родными, а в ответ – ничего. А незадолго до дембеля получил он письмо от учительницы своей о том, что его семья погибла. И даже могилы он не найдет, потому что трупы после таких погромов в одну большую яму сбрасывали. Ну, и куда ему было деваться? Ехать-то уже некуда. Ни дома, ни семьи! Из документов на руках только военный билет, а денег – ни хрена. Куда деваться? В общем, в Москве на вокзале познакомился он с Димкой Сухановым, нашим, сибиряком, который домой ехал. Посидели они, два дембеля, поговорили, и предложил Димка ему вместе с ним в Сибирь ехать. Он и согласился, благо к морозам уже как-то притерпелся.

– То есть в Чарджоу он больше не был? Не пытались найти тех, кто убил его родителей? Отомстить им? – спросил Гуров.

– Кому – им? – криво усмехнулся Погодин. – Что, эти убийцы ему на память свои визитные карточки оставили?

– А кто такой Дмитрий? – спросил Гуров.

– Да один из наших. У него своя непростая история – его родители из дома выгнали. Они со своим братом-погодком умудрились в одну девчонку влюбиться. Дошло до того, что драться начали, вот Димка брата и покалечил слегка. А увечных на Руси всегда больше любят, тем более родители. Вот они Димку из дома к бабке в глухую деревню и отправили. К ней-то они тогда и приехали. А время было веселое до слез: ни денег, ни работы нормальной. Подумали они, пораскинули мозгами, как им дальше жить, и нанялись в бригаду лесорубов, черных, конечно. Кабала, понятное дело, но все же сыты и крыша над головой. Потом посмотрел Колька, как бригадир дела ведет, как крысятничает нагло, и решил, что у него лучше получится. Поговорил он с работягами, посоветовались они и создали свою бригаду. Работали опять же на чужого дядю, но деньги уже другие пошли. Дальше – больше. Стали они уже на себя работать, а потом скинулись и лесопилку поставили. Вот тогда-то я к ним в бригаду и попал. Откинулся я, снова на зону как-то не тянуло, а деваться некуда. Ну и решил лесоповальным трудом заняться, благо не привыкать.

– Это во второй раз откинулись? – невинно спросил Гуров.

– В третий, – спокойно ответил Погодин. – И, чтобы раз и навсегда закрыть некоторые темы, я расскажу одну историю. С характером у меня все в порядке, и силушкой бог не обидел. Колька, конечно, не хиляк, но против меня – сопля, но и ему характера не занимать, а то иначе ничего не добился бы. Стал он разговоры вести о том, чтобы вторую лесопилку поставить, а это значит, что опять скидываться надо. А у меня свои планы были. Вот тем вечером и сцепились мы с ним. И лаялись, и за грудки друг друга хватали. Наконец я не выдержал и врезал ему так, что он вверх тормашками полетел, а потом заявил, чтобы деньги мои он мне утром отдал, и я уйду. Высосал я бутылку водки и пошел в сарай на опилки спать – мы из бракованных досок его сколотили, чтобы пилораму от дождя и снега закрыть. Вот той-то ночью его нам люди добрые, – он криво усмехнулся, – и подожгли.

– Надо понимать, конкуренты? – уточнил Гуров.

– Они самые, – кивнул Погодин. – Все тушить бросились, и тут Колька спохватился, что меня нигде нет, а без денег, да ночью в тайгу я уйти не мог. А Витька... Ну, это тоже один из наших, позже его увидите... Сказал, что я внутри сплю. И вот Колька, с которым я только что перелаялся, которого ударил, у которого расчет потребовал, а деньги эти ему для нового дела ох как пригодились бы, полез меня из сарая вытаскивать. И это притом, что я намного тяжелее его. А когда потолок горящий на нас упал, не бросил меня, пьяного! Он не только сам выбрался, но и меня выволок! Так что топчу я землю нашу грешную исключительно благодаря ему! И если я говорю, что Москву наизнанку выверну, чтобы ему помочь, то это, поверьте, так и будет! – почти прорычал он.

– Значит, ожоги на его лице... – начал было Гуров, и Погодин, не дослушав, закивал:

– Да! Оттуда-то и красота его неземная! А на руках – еще страшнее! Хотя он и до этого особой привлекательностью не отличался. Только зубы у него на загляденье были, словно у голливудского артиста какого-нибудь.

– И чем же дело кончилось?

– Отстояли они лесопилку. Но трех человек пришлось в больницу по бездорожью на носилках тащить, потому что на машине нашей те же добрые люди все колеса прокололи. И я, оклемавшись, тащил, и Колька с руками своими обожженными! Но донесли-таки! Кольку хотели тоже там оставить, да он отказался, потому что дело надо было заново налаживать. Двое так и не выжили, а третьим Димка был. Поправился он, хотя уже не работник стал, с легкими у него беда приключилась. Так мы его в городе оставили, чтобы через него дела вести и Кольке туда постоянно не мотаться. О Кольке и до этого никто худого слова сказать не мог, а после произошедшего слава о нем пошла, что он дела честно ведет и своих в беде не бросает. Так что новых людей нанять ему несложно было. Потом мы и вторую лесопилку поставили. Вот с этого он и начал свой бизнес. А сейчас у нас закрытое акционерное общество. И хотя главный у нас Колька и акций у него соответственно больше, но все мы в нем свою долю имеем, и каждый каким-то направлением руководит. Мы хоть и без образования специального, зато дело знаем.

– Простите за вопрос, но я не могу его не задать. Ладно, с вами все ясно. Но не мог ли кто-нибудь из остальных на Савельева за что-то зло затаить? Может, себя обделенным посчитал? Решил, что сам способен вашим ЗАО руководить?

– Гуров! Скажите, у вас есть человек, который вам в случае чего спину прикроет? – неожиданно спросил Погодин.

– Есть! Мой друг и напарник, полковник Станислав Васильевич Крячко.

– А у Кольки таких со мной восемь человек! С кем он вместе спина к спине наш бизнес отстаивал! – горячо говорил Погодин. – Я имею в виду тех, кто в живых или просто вместе с ним остался, потому что некоторые, свою долю честно получив, дальше пошли своим путем. А охотников поживиться немало было. В нас и стреляли, и поджигали еще не раз. Случалось, что некоторые вещи с нуля начинать надо было. Ничего! Все выдержали! И живем мы все сейчас, горя не мыкая! А главное, знаем, благодаря кому! Ведь, если бы не Колька, остались бы мы простыми лесорубами. Ну, может, кто в бригады бы выбился, но таких высот не достигли бы.

– Можете на меня обижаться, если хотите или это делу поможет, но в святых я не верю, – твердо сказал Гуров. – Не может быть такого, чтобы человек столько лет прожил, бизнес внушительный создал и врагов не нажил.

– У него есть конкуренты, есть завистники, есть просто недоброжелатели, но вот таких нелюдей, чтобы на похищение детей пошли и месяц ему нервы мотали, нет, – уверенно ответил Погодин.

– Они есть, просто мы о них не знаем, – возразил Гуров. – Причем это, судя по всему, личная месть какого-то одиночки, а не ОПГ какая-нибудь сработала, чтобы денег из родителей вытрясти. – Подумав, сыщик сказал: – Леонид Максимович, я вижу, что вы крайне враждебно относитесь к жене Савельева. Скажите, для этого есть основания?

– А как еще можно относиться к проститутке? – хмуро спросил Погодин.

Услышав это, Гуров оторопел, а Погодин, хватанув еще водки, начал рассказывать:

– Офис наш головной был в Красноярске, а филиалы по всей Сибири и Дальнему Востоку. И каждый филиал кто-то из наших возглавляет. А Колька с Димкой, как скорешились тогда, так в Красноярске и жили вдвоем – ну, прислуга, охрана и медсестра не в счет. И тут вдруг, пять лет назад, Димка мне звонит и говорит, что Колька жениться решил, но таким тоном, что я понял: Колька во что-то вляпался – я же говорил, что он в людях ни хрена не разбирается, вот и рванул к ним. Нет, Колька монахом не жил, бабы у него были, дорогие, холеные, но сами понимаете, какого сорта, которым лишь бы бумажник потуже. Он к ним так и относился, как к продажным. Деньгами, конечно, не обижал и все такое, но пользовался, и все. Говорил, что с такой рожей да разными глазами его ни одна по-настоящему не полюбит, так что нечего и затеваться. А тут вдруг влюбился, как сопляк! Ну, прилетел я, а эта мразь уже у них в доме живет. В общем, я на нее только посмотрел и понял, что это за штучка. Короче, в ресторане она пела и плясала, там-то ее Колька и увидел. Ну, снял он ее раз, два, а потом завертелось. Перевез ее к себе, в ресторане она больше не работала и жила в свое удовольствие, тянула с Кольки деньги, а главное, нервы начала ему мотать по-черному и против Димки настраивать. С характером у Кольки, я уже говорил, все в порядке, а перед ней он только что ковриком не стелился. Околдовала она его! Нате, полюбуйтесь на ведьму!

Погодин развернул к Гурову стоявшую на столе большую фотографию, на которой была очень красивая смуглая брюнетка, а рядом с ней – уже знакомые ему малыши.

– Да, эффектная женщина, – согласился Лев Иванович, подумав при этом: «Погодин вроде нормальный, здравомыслящий мужик, жизнь не понаслышке знает, что называется, во всех щелоках мытый, а вот надо же, в такую чушь верит! Ведьма! Околдовала! Обманчива, однако, бывает внешность».

– Что есть, то есть, – вынужден был согласиться Леонид Максимович. – Я быстренько о ней справки навел и узнал, что, оказывается, гастролировали они...

– Стоп! – перебил Гуров. – Вы сказали «они»?

– Ну да! С братцем своим старшим, Григорием! Они почти всю Сибирь и Дальний Восток объездили, а раньше, может, и в Центральной России отметились – так глубоко я не копал. Она в ресторанах выступала, а он при ней сутенером состоял. Да через нее толпы мужиков прошли! На ней пробу ставить негде! Вот чем она себе с братом на жизнь зарабатывала. Господи! – почти простонал Погодин. – Да если б она только Кольку любила, мы бы все ей простили, но ведь она же, паскуда, снисходила до него, – ерническим тоном произнес он. – До себя без подарков не допускала, а потом в другую комнату выгоняла спать, и он это терпел. Я все, что узнал, Кольке выложил и принялся уговаривать его ее выгнать, потому что до добра это не доведет. А он, дурак, только губу верхнюю закусил, как у него обычно бывает, когда он злится, и попросил меня в его личную жизнь не лезть и вообще заняться выполнением своих непосредственных обязанностей. Понял я, что не достучаться мне до него, и остальных на подмогу свистнул. Собрались мы все, поговорили с ним, и опять без толку. Просто как об стену горох. Перелаялись мы с ним чуть ли не насмерть и поняли, что нам эту ночную кукушку не перекуковать. Я тогда ее в городе отловил и очень внятно сказал, что если я узнаю, что она продолжает Кольке нервы мотать, а я об этом обязательно узнаю, то лично ею займусь, и ее костей никто никогда не найдет. А если она о нашем разговоре ему расскажет, случится то же самое. А эта сука мне в лицо рассмеялась и заявила, что в этом случае Колька сам следом умрет. Ну, тогда я ей пригрозил, что руки-ноги ей переломаяю, рожу бритвой под хохлому распишу, язык ее поганый вырву к чертовой матери, а вот глаза оставлю, чтобы она, на свое отражение посмотрев, сама в петлю полезла. Поняла она, что я не шучу, а все, что обещал, сделаю, и перепугалась насмерть. Присмирела она с тех пор, больше не выпендривалась. А братца ее

я подержал за грудки и убедительно посоветовал уехать из города к едрене-фене, потому что если он останется, то конец у него будет долгий и очень мучительный.

– Подействовало? – спросил Гуров, хотя и так было ясно, что да – у Погодина даже сейчас, когда он об этом рассказывал, вид был весьма устрашающий.

– Братец исчез, а эта стерва, как я уже сказал, приутихла. Ну, расписались они тихонько. Свадьбы никакой, естественно, не было, мы даже поздравлять его не стали и не дарили ничего. А потом он собрал нас всех во Владивостоке – это, чтобы мы с ней не столкнулись, – и заявил, что переезжает в Москву, потому что оттуда на переговоры летать и проще, и быстрее, и головной офис туда же переводит. С одной стороны, это, конечно, правильно, потому что Димка, останься один, с такой махиной не справился бы, ему и с красноярским филиалом хлопот выше крыши. И я уверен, что эта сука его настроила на переезд – у нее же слава по нашему региону такая, что не приведи господи, а в Москве ее никто не знает. Вот Колька с мразью этой сюда и перебрался. А было это четыре с половиной года назад.

– Ну, они здесь, как мне сказали, довольно замкнуто жили, – заметил Гуров.

– Знаю, – отмахнулся Погодин и в ответ на недоуменный взгляд Гурова пояснил: – Ну, как я мог Кольку одного без присмотра сюда отправить? Вся личная охрана у него из наших парней, а они все в Чечне обстрелянные, огонь, воду и чертовы зубы прошли, а главное, лично нам преданные. Вот они мне регулярно и сообщали, что здесь и как, так что я в курсе событий был. А когда детей похитили, вообще сюда прилетел и постоянно руку на пульсе держал.

– Ну, с этим делом более-менее понятно, – сказал Лев Иванович и повернулся к Тимофееву: – А теперь расскажи-ка мне, Сергей Владимирович, как ты к Савельеву на работу попал, кто тебя рекомендовал, если ты не из их команды, и что за время твоей работы случилось необычного. Как ты понимаешь, особенно меня интересует время до и после похищения малышей.

– Я работал заместителем начальника службы безопасности банка, когда меня вызвал исполнительный директор и сказал, что там у меня возможностей карьерного роста нет, а вот один из давних клиентов их сибирского филиала, перебравшийся недавно в Москву, ищет себе начальника службы безопасности. Я встретился с Николаем Степановичем, мы поговорили, и я перешел к нему, – начал Тимофеев. – А команду набрал из бывших наших.

– И кто же это поименно? – спросил Гуров. – А то наши бывшие коллеги разными людьми бывают, попадают среди них и те, кому бы я и огород сторожить не доверил. Хотя не стоит сейчас тратить на это время, просто приготовь мне их личные дела, и я посмотрю, и, если меня кто-то из твоих подчиненных заинтересует, я с ним пообщаюсь отдельно.

– Сделаю, – пообещал Тимофеев.

– Насчет личной охраны и службы безопасности я уже все понял, а вот прислуга в доме откуда взялась?

– Все с Украины. Так что ни связей в Москве, ни собственного жилья у них нет. Вот и получается, что им всем гораздо выгоднее честно служить в этом доме, чем оказаться на улице, – объяснил Тимофеев. – Кроме того, не так уж их и много было: всего две горничные, что работали через день, они же и готовили, да няня с садовником, только они еще за месяц до похищения детей отсюда ушли, а ту горничную, что в ночь похищения детей работала, я уволил.

Услышав это, Гуров только с осуждением покачал головой:

– Ну и где мне теперь прикажешь ее искать? Я же с ней поговорить должен. Ты хоть знаешь, где она сейчас находится?

– Так она же все уже рассказала, – удивился Тимофеев.

Гуров мысленно застонал. Да, оказывается, Тимофеев как был честным, исполнительным дураком, так и остался. И это еще мягко сказано. Лев Иванович едва сдерживался, чтобы не высказать в его адрес свои мысли вслух.

– А если она не все рассказала? – несколько успокоившись, спросил он. – Или ты просто не знал, о чем ее спрашивать? Что тогда?

– Знаешь, Гуров! Ты... – неприятно начал Тимофеев, и тут Лев Иванович не выдержал и рявкнул:

– В том-то и дело, что я знаю, как надо работать, а ты нет! Охранников-то хоть не трогал?

– Не в моей компетенции, – буркнул в ответ тот.

– То есть? – Гуров повернулся к Погодину: – Значит, Тимофеев знал истинный расклад?

– Да, я ему очень доступно все объяснил, – невозмутимо ответил Леонид Максимович. – Кстати, если вам нужно поговорить с этой горничной, то вы сможете это сделать в любой момент. Я тут квартиру снял, и она у меня убирается и готовит, и живет, кстати, там же, чтобы мне не скучно было, да она и не возражает.

– Параллельная структура, – кивнул Гуров и, встретившись глазами с этим битым жизнью человеком, с первого взгляда правильно оценившим «способности» Тимофеева и поэтому подстраховавшимся, одобрительно заметил: – Разумно. И женщину эту вы вовремя перехватили, – на что тот просто пожал плечами. – Ну а с вашим доверенным человеком я могу поговорить?

– А они все доверенные, – заметил Погодин. – И в полном вашем распоряжении. А когда мужики приедут, то в подчинении у вас будет много людей для различных поручений.

Гуров на это ничего не сказал и снова обратился к Тимофееву:

– Давай, Сергей, рассказывай все, что знаешь о последних месяцах.

– А чего не знаешь, я потом проясню, – пообещал Погодин.

– Ну, как утром выяснилось, детей похитили ночью через окно – его открытым оставили. Охранники тут же мне сообщили, и я приехал, а потом уже Николаю Степановичу позвонил. Следов под окном никаких не было, отпечатков пальцев ни на наручниках, ни на подоконнике, ни на всем остальном – тоже, видно, в перчатках работал или работали. Собака – я частным образом с нашими договорился, и они приехали – след не взяла.

– А вот будь в доме собака, она бы тревогу подняла, – заметил Гуров.

– Колька собак не любит, – сказал Погодин. – Тянула его в детстве какая-то шавка, вот на всю жизнь память и осталась.

– Понятно. Ну, Сергей, а дальше ты что предпринял?

– Мы весь сад осмотрели, но никаких следов не нашли, ограда нигде не сломана и кусты, что вдоль нее растут, тоже. Словно по воздуху этот гад сюда прилетел.

– Ага, дух не святой или джинн из бутылки, – буркнул Гуров.

– Хозяйка в истерике была и на мужа орала, что это случилось из-за его бизнеса и все такое. И требовала, чтобы он ни в коем случае в полицию не обращался, а то детей убьют, – продолжал Тимофеев. – К ней из частной клиники врача с медсестрой пригласили, так они с тех пор тут так и живут. Она, как до этого в детской жила, чтобы постоянно с детьми быть, так до сих пор там и находится и постоянно таблетки какие-то пьет, от которых в каком-то полубезыбтом состоянии находится. И вообще сдала она за этот месяц страшно – ведь и не спала толком, и не ела. Ее еще раньше хотели в частную клинику поместить, но она такой скандал закатила – не приведи господи. Кричала, что останется дома, потому что о детях в любой момент какая-то информация может прийти, вот она и хочет первой ее узнать, потому и ноутбук к себе забрала, хотя он в доме один, и рядом с кроватью поставила. А что с ней было, когда о якобы смерти детей узнала, я даже передать не могу. А что будет, когда ей о покушении на Николая Степановича скажут, вообще представления не имею. Наверное, нужно будет ее все-таки в клинику эту положить, чтобы она там под присмотром врачей до полного выздоровления хозяина была, потому что лежать в стационаре все-таки надежнее, чем дома. А еще, Леонид Максимович, хоть вы ее и не любите, должен сказать, что жили они нормально, не скандалили. Тихо все было.

– Ваш выход, Леонид Максимович, – Гуров повернулся к Погодину, поняв, что Тимофеев сказал все, что знал.

– Вела она себя действительно тихо, потому что я ее предупредил, что за ней и в Москве будут постоянно наблюдать, – подтвердил тот и замолчал, хотя видно было, что сказать ему есть чего, замялся он как-то, словно решая, говорить или нет.

– Леонид Максимович! Все, что вы скажете, между нами и останется, – твердо пообещал Гуров. – Поэтому говорите смело: вдруг это делу поможет?

– Ладно! – поколебавшись, согласился Погодин. – Короче, Колька не мог иметь детей, причем это совершенно точно. Бабы у него всегда были – дело житейское, но вот все как-то без последствий обходилось. А он о детях мечтал так, что словами не описать. И вот, когда мы уже нормально жить начали, появилась у него одна бабенка, и попыталась она свою беременность на него повесить. Ну, он, конечно, обрадовался, планы начал строить. А вот я сильно сомневался, что это от него, и погнал его к врачам, вроде как на обследование. Ты, мол, отцом собираешься стать, так убедись сначала, что ребенка сможешь на ноги поставить и до ума довести, а то загнешься до времени, как он без отца будет расти. Николай и пошел. Тут-то и выяснилось, что у него какое-то застарелое воспаление, которое уже давно перешло в хроническую форму, так что детей ему без очень серьезного лечения иметь не судьба.

– Бабенка тихо слиняла не без вашего участия, – догадался Гуров.

– Само собой, – невозмутимо заметил тот. – Колька после этого сник, даже пил некоторое время, а потом решил: не судьба – значит, не судьба. И лечиться не стал, хотя я и предлагал ему к тому знахарю обратиться, который ему мазь для лица делал.

– То есть никакого другого наследника – я сейчас не о жене, а именно о детях – у него быть не может? – уточнил Гуров.

– Могу сказать совершенно точно, что детей у Кольки нет, – уверенно сказал Погодин. – У него вообще на всем белом свете родственников нет.

– А вот, как оказалось, судьба ему детей иметь. Он же все это время в Москве лечился, – горячо возразил Тимофеев. – Я точно знаю. К знахарю не пошел, а к врачам обратился. Он постоянно на какие-то процедуры ездил, ему уколы делали. И супруга его тоже лечилась.

– Еще бы ей не лечиться, при ее-то прошлом! Там число абортотворцев небось на сотни шло! – зло бросил Погодин.

– И все у них получилось, – продолжал Сергей Владимирович. – Они для этого специально в Америку летали. Николай Степанович и дом там, в Майами, снял, и прислугу они отсюда с собой взяли, чтобы вокруг свои были. С рабочими визами для них столько хлопот было, что не приведи господи, но мы их все-таки оформили на три года. И хозяйка там всю беременность провела. Там и малыши родились! А сюда их привезли, когда им уже по полгодика было.

Погодин смотрел на Тимофеева с такой жалостливой брезгливостью, словно хотел сказать: «Ну какая же ты бестолочь!» А вот Гуров сразу все понял.

– Суррогатное материнство?

– Да, потому что эта сука все равно выносить ребенка не смогла бы, – подтвердил Погодин. – Это была девка из той же деревни, откуда эта стерва родом, причем еще и мужа за собой потащила. Они-то потом здесь под видом няни и садовника жили. Видно, Колька решил все в тайне даже от нас сохранить. И в свидетельстве о рождении он с этой стервой настоящими родителями записаны.

– Я смотрю, что вы до всего докопаться смогли, – не то с осуждением, не то с одобрением покачал головой Гуров.

– Так не при коммунизме живем, денег еще никто не отменял, – хмыкнул Погодин.

– Сергей, ты сказал, что няня и садовник два месяца назад отсюда ушли. А почему? Не думаю, чтобы им здесь плохо жилось. Или их уволили?

– Да нет! Они сами так решили. Сказали, что, мол, денег достаточно заработали, а теперь им свою жизнь устраивать надо. Собрались они на юг податься и частную гостиницу там открыть. Садовник говорил, что они в Америке насмотрелись, как это делается, вот и решили сами попробовать. Николай Степанович им все до последней копейки честно заплатил, так что обижаться им не на что. И если ты подумал, что это они за что-то отомстили или просто решили себе детей забрать, то это не так. Их тут больше и близко не было.

– Не было, – подтвердил Погодин.

– А почему же новую няню не взяли? – спросил Гуров. – Ведь матери наверняка с привычки трудно было с двумя малышами.

– Да она их и при няне с рук не спускала, – объяснил Тимофеев. – Они их вместе и купали, и кормили... Да, в общем, все вместе делали. А новую? – Он задумался. – Так об этом как-то и разговора не было. Я, во всяком случае, не слышал. А может, хозяйка решила, что вторую такую не найти, а чужому человеку детей доверять не стоит.

– Ладно, разберемся. Тогда у меня следующий вопрос: у Савельева было завещание?

– Конечно. Первое-то было, как и у Димки, и вообще у всех нас, кто не женат, на остальных написано, чтобы все в равных долях, – пояснил Погодин.

– Но у Дмитрия же родственники есть? – удивился Гуров.

– А он их знать хочет? Они его из дома вышибли, хотя у брата его всего-то колено было покалечено, прихрамывать начал. А они его за это из города в деревню к бабке старой отправили. Отец у Димки большой шишкой был и мог сына от армии отмазать, но не захотел. А потом, когда страна екнулась, к чертовой матери, и папаша его не у дел остался, а вот у Димки копейка в кармане появилась, родня вдруг о сыночке родимом вспомнила, залебезила. А Димка старый грех исправил – оплатил братишке операцию на колене, чтобы тот нормально ходить мог, и все! Больше ни шиша они от него не получили.

– Ну, с этим все понятно, рассказывайте дальше.

– А потом Колька новое завещание составил. «Все, чем я буду обладать на момент моей смерти, наследуют в равных долях Лариса Петровна Васильева, Михаил Николаевич Савельев и Мария Николаевна Савельева», – процитировал Погодин.

– А вы откуда знаете? Неужели даже до нотариуса добрались и завещание в руках держали? – удивился Гуров и получил в ответ весьма красноречивый взгляд. – Так, может, у них и брачный договор был?

– Был, и не иначе как по настоянию этой суки составленный. Коротенький такой! – зло произнес Леонид Максимович. – В общем, в случае развода по Колькиной инициативе или его измены ей отходит все его состояние.

– Что? – невольно воскликнул Гуров.

– То! – хмуро подтвердил Погодин.

– А в случае ее измены? Или, может, она сама от него захочет уйти?

– А такой пункт там даже не предусмотрен, – иронично ответил собеседник. – Я же сказал, что околдовала она его.

– Да уж, хваткая бабенка, – помотал головой Гуров и поднялся. – Надо все же мне своими глазами посмотреть и участок, и ограду, и все остальное.

Следом за ним поднялись и остальные. Они вышли в холл и увидели, как по лестнице со второго этажа торопливо спускался мужчина в белом халате.

– Леонид Максимович? – спросил он, подойдя к ним и обращаясь к Погодину, а когда тот подтвердил, продолжил: – Мне охранники сказали, вы сейчас в доме за главного. – Когда Погодин в знак согласия кивнул, твердо заявил: – Ларису Петровну нужно срочно госпитализировать. У нее и так было тяжелое состояние, а после того, как она узнала о покушении на Николая Степановича, оно усугубилось.

– Откуда узнала? – быстро спросил Гуров.

– Она услышала шум в холле и потребовала, чтобы ей сказали, что случилось. Нам пришлось позвать одного из охранников, который ей сообщил, что на ее мужа было совершено покушение. Лариса Петровна все добивалась от него, в каком тот состоянии и жив ли. Вот он ей и сказал, что вы, Леонид Максимович, нашли его раненым и отвезли в больницу, но суду ляпнул, что Николай Степанович безнадежен.

Тимофеев собрался, было, сказать, как на самом деле обстоят дела, но Погодин не дал ему и рта открыть:

– Да, это правда. Врачи не оставили нам никакой надежды, счет идет на часы, – заявил он, наградив при этом Сергея Владимировича таким взглядом, что тот окончательно ступешался.

– Ну, вот! У нее началась истерика, и она умоляла нас отвезти ее в клинику, хотя раньше всегда этому противилась, – продолжал врач. – Но сейчас, видимо, поняла, что иначе она не поправится, да и ждать ей дома больше некого.

– Врать мне не надо, – жестко сказал Погодин. – Тем более это бесполезно. Так, что она говорила на самом деле?

Врач помялся, а потом, отведя глаза, пробормотал:

– Она сказала, что теперь, когда и ее дети, и ее муж погибли, ее тоже убьют, потому что она осталась единственной наследницей и компаньоны мужа пойдут на все, чтобы заграбастать себе состояние Николая Степановича. Я не очень ей поверил, но теперь, видя вас, я начинаю ее понимать, – прямо взглянув на Леонида Максимовича, почти ненавидяще произнес он.

– Ее никто не собирается убивать, – небрежно бросил Погодин. – Мы люди брезгливые.

Гуров же просто достал из кармана свое служебное удостоверение и, раскрыв, показал врачу.

– Я лично гарантирую вам, что никто не убьет ее. У вашей пациентки, видимо, нервный срыв, что вполне объяснимо.

– Ни в какую частную клинику она не поедет, – твердо заявил Погодин. – Не заслужила она, чтобы на нее деньги тратили, а вот районная психушка ей подойдет. Раз у нее тяжелейшая депрессия, там ей самое место, – и, обратившись к охраннику, приказал: – Вызывай «Скорую»! Объясни, в чем дело, и пусть поторопятся, а горничной скажи, чтобы сумку для этой стервы собрала. А вы, – он повернулся к врачу, – дождетесь «Скорую», расскажете бригаде медиков, как и чем ее лечили, а потом и вы, и медсестра можете быть свободны.

– Я начинаю понимать эту несчастную женщину, – процедил сквозь зубы врач. – Кстати, сумка уже собрана.

– Я не повторяю два раза, – произнес Погодин таким тоном, что врач невольно поежился, поняв, что позволил себе лишнее. – Я сказал, чтобы горничная собрала сумку, значит, так и будет. А вот вам, сердобольному, придется прямо здесь написать, чем вы лечили эту мразь, а потом надлежит покинуть дом Савельева! А то болтает много лишнего! – И он обратился уже к другому охраннику: – Скажи медсестре, чтобы собрала и свои, и его вещи, причем под твоим присмотром, и пусть катятся на все четыре стороны. И проследи, чтобы врач наверх не поднялся. Ничего, не помрет эта сволочь до приезда «Скорой». И горничную поторопи.

Врач, может, и хотел что-то сказать, но благоразумно промолчал, понимая, что власть в доме сменилась.

– С вами расплатились? – спросил у него Погодин, на что тот отрицательно покачал головой. – Сколько мы должны вам и медсестре? – И, услышав внушительную сумму, покачал головой, хотя раньше скупостью не отличался, но спорить не стал, а достал из кармана пачку денег и, отсчитав сколько требовалось, протянул врачу. – В ваших услугах больше не нуждаются. Напишите список лекарств и можете быть свободны. Проследи! – это уже относилось к охраннику.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, – заметил Гуров, а Тимофеев, понурившись, не издал ни звука, видимо предчувствуя, что работать ему на этом хлебном месте осталось недолго.

– Вот именно, знаю! Да, это я велел сказать ей, как бы случайно, что Колька безнадежен, чтобы посмотреть, что она делать будет. Потому что не верю я ей! И основания для этого у меня есть! – жестко произнес Погодин.

Врач сел в холле в кресло возле небольшого столика и, достав из кармана халата блокнот, начал писать, а Гуров с Погодиным и Тимофеевым вышли в сад. Лев Иванович тщательно изучил землю и стену под окнами детской, что было, в общем-то, бесполезно – месяц ведь прошел, – а потом и сам очень немаленький участок по всему периметру и крепко задумался: по всему выходило, что через ограду преступник перебраться никак не мог, тем более что соседями были люди весьма предусмотрительные и сторожевых собак, которые беспощадно облаяли их, едва они приблизились к ограде, не боялись. На полпути к дому Гуров вдруг резко остановился, потому что ему пришла в голову на первый взгляд совершенно безумная мысль, но, основательно проанализировав ее, он понял, что не такая уж она и абсурдная.

– Леонид Максимович, – он повернулся к Погодину. – Мне нужно срочно поговорить с той горничной и охранниками, что работали накануне и в ночь похищения.

– Олесю уже везут, – настороженно глядя на сыщика, сообщил тот. – С Олегом вы уже никак поговорить не сможете, а со вторым – запросто, вот он возле крыльца курит. А что? Вы уже что-то поняли?

– Еще не знаю, – задумчиво сказал Гуров и, быстрым шагом подойдя к парню, попросил: – Расскажи мне в подробностях о событиях дня накануне похищения.

Охранник сначала посмотрел на Погодина, словно спрашивая у того разрешения говорить.

– И как на духу! – подтвердил тот полномочия Гурова задавать вопросы.

– День был как день, – начал парень. – Проснулся, позавтракал в кухне и в восемь утра заступил на смену, а Олег отсыпаться пошел. Сидел себе в сторожке, одним глазом на монитор смотрел, хотя когда Степаныча дома нет, то и приезжать некому, а другим – в телевизор. Погода была промозглая, туман, так что я кофе себя подбадривал – Олеся принесла. В четырнадцать с минутами – это можно по журналу посмотреть – приехала грузовая «Газель». Мужик какой-то к воротам подошел и по переговорке сказал, что привез заказанные хозяйкой коробки. Я ей позвонил по внутреннему, и она подтвердила, что это игрушки для детей. Ну, я машину на территорию впустил и внимательно осмотрел. Мужик в машине был один, а внутри действительно две картонные коробки, в них большущие такие медведи, в целлофан упакованные. Мужик до дома доехал и коробки внутрь понес. Пробыл он в доме недолго, а потом уехал.

– На выезде машину осматривали? – быстро спросил Гуров.

– Нет, а зачем? – недоуменно ответил парень, а потом, испугавшись, спросил у Погодина: – Что, надо было? Но ведь никогда же на выезде не досматривали! – на что тот просто отмахнулся: не до тебя, мол, сейчас, и спросил у Льва Ивановича:

– Вы думаете, в них вывезли детей?

Тимофеев же, кажется, так ничего и не понял.

– А вот это будет зависеть от того, что нам расскажет Олеся, но другой вариант просто не просматривается. Если же выяснится, что я ошибаюсь, то будем думать дальше. Но это вряд ли, – «скромно» заметил Гуров.

– А как же их крики-визги? – спросил Погодин.

– Я думаю, она заранее записала их на диск или кассету, а потом эту запись включила. Если хорошо поискать, то проигрывающее устройство мы в доме найдем, потому что сама она, как я понял, с того дня из дома не выходила, выбросить тоже не могла – горничная заметила бы. Правда, вот врач с медсестрой... Она могла им отдать, чтобы они в своих вещах вынесли. Или подарить, например. Но, поскольку они еще здесь, то и выяснить это будет нетрудно. Вещи-то они еще только собирают.

– Ну, раз она сама все это организовала, чтобы Кольке нервы мотать, то проклянет тот день, когда родилась. Сейчас я с ней по душам побеседую! И вот тогда ей больница точно потребуется! Только не психушка уже, а травматология! – зловеще пообещал Погодин.

– Не надо, – остановил Леонида Максимовича Гуров. – Добровольно она вам ничего не скажет, а пытаться ее я вам не дам. Да и не стоит ее пока ни во что посвящать. Если она все это затеяла, то пусть думает, что ее план сработал. Пока она лежит в больнице, мы сами во всем разберемся. Главное, чтобы у нее никакой связи с внешним миром не было и не сбежала она оттуда.

– Ладно, – нехотя согласился Погодин. – Позабочусь я, чтобы ее от всех изолировали, – и приказал охраннику: – Номер машины сообщишь Сергею Владимировичу, а ты, – он повернулся к Тимофееву, – пробьешь его по всем базам данных и выяснишь, что это за тачка. Хоть какой-то прок от тебя будет, – неприязненно бросил он и снова обратился к охраннику: – Записи с камеры над воротами за тот день найди, посмотреть надо, что это за мужик.

Охранник быстро, почти бегом, удалился, а Гуров попросил:

– Не надо напрягать Тимофеева, мы сами этим займемся.

Едва они вошли в дом, как приехала «Скорая». Если раньше лечивший Ларису Петровну врач и хотел что-то сказать вновь приехавшим коллегам, то, увидев рядом с ними одного из охранников, резко передумал и, сунув им листок бумаги со списком примененных им лекарств, вышел во двор, где, без сомнения, тоже не остался без присмотра. Врачи поднялись наверх, и Погодин с Гуровым и Тимофеевым вместе с ними. Понуро сидевшая в кресле женщина в халате выглядела крайне изможденной: худая, с темными кругами под глазами, которые при виде Погодина зажглись испепеляющей ненавистью, но сказать она ничего не решилась, а только поджала губы и отвернулась. Медсестры рядом с ней уже не было – видимо, она собирала вещи, а вот охранник присутствовал, и рядом с ним стояла собранная для больницы сумка. Пока врачи занимались с больной, он подошел к Леониду Максимовичу и тихонько сказал:

– Все свои драгоценности, деньги, пластиковые карточки и документы в сумку положила. Видно, решила сбежать. Я все это отобрал и положил ей только самое необходимое в больнице. Сотовый отдавать?

– Ни в коем случае! Пусть в психушке полежит до выздоровления Коли, а там видно будет, – негромко сказал ему Погодин. – У меня с ним отношения и так паршивые, так что хуже уже не будет. А ты сейчас сходи туда, где медсестра вещи собирает, и узнай, нет ли среди них какого-нибудь магнитофона или еще чего-то такого. И, если есть, выясни, чей он: их собственный или эта стерва им подарила. А потом поедешь вместе с Лариской и поговоришь там с врачами, чтобы держали ее в одиночной палате, но не лечили – она нам в здравом уме потребуется, а не обдолбанная, а главное, чтобы никакой связи с внешним миром не было. Это подчеркни особо! – и, достав из кармана очередную пачку денег, протянул ее парню: – Потом отчитаешься.

Тот кивнул, показывая, что все понял, взял деньги и вышел.

– У вас карманы бездонные? – тихо поинтересовался у Погодина Гуров.

– Нет, просто большие, – сухо ответил тот.

Быстро вернувшийся охранник сообщил им, что ничего подозрительного в вещах врача и медсестры не обнаружено, вот и получалось, что и запись, и то, на чем ее проигрывали, еще в доме. Врачи и женщина ушли, а с ними и охранник.

– Ничего, сейчас мои мальчишки все здесь обшарят и найдут, – пообещал Погодин.

– Смысл? Зачем вам это надо? – спросил Гуров. – Ну, найдут, и что? Нам это ничего не дает.

– Это надо не мне, а Кольке!

– Чтобы он наконец-то понял, с какой сволочью связался и как она над ним издевалась? Думаете, поможет? – с сомнением спросил Гуров.

– Не повредит, – бросил Погодин, позвонил кому-то и раздраженно спросил: – Где вас черти носят? – а, выслушав ответ, сообщил: – Уже подъезжают.

– А покажите мне те документы, которые Лариса Петровна хотела с собой забрать, – попросил Гуров.

– Да бога ради, – пожал плечами Леонид Максимович.

Гуров внимательно просмотрел все бумаги и отдал их Погодину:

– Пусть полежат где-нибудь. Кое-что из них потом пригодиться может.

Тот с интересом посмотрел на Льва Ивановича, но спрашивать ничего не стал, а когда они вернулись в кабинет, положил документы в ящик письменного стола. Горничная принесла им чай и кофе, и не успел Гуров допить свою чашку, как в комнату вошла крупная, миловидная женщина лет тридцати пяти и испуганно посмотрела на Погодина.

– Олеся! Вот тут Лев Иванович хочет тебе несколько вопросов задать, так ты отвечай на них максимально откровенно, – попросил Погодин.

– Так я же вам уже все рассказала, и ему тоже, – она кивнула в сторону Тимофеева.

– Да, но я-то ничего не знаю, – мягко заметил Лев Иванович. – Вот вы мне и расскажите все, но не о том дне, когда выяснилось, что детей похитили, а о предыдущем. Прямо с самого утра начинайте. И присаживайтесь, пожалуйста. А то что же получается? Мужчины сидят, а женщина стоит? Непорядок!

Олеся неуверенно опустила на краешек дивана – сидеть в этом доме ей явно приходилось нечасто – и начала вспоминать о том, как приготовила завтрак и отнесла его хозяйке с детьми, как убиралась, как подала второй завтрак и начала готовить обед, когда какой-то мужчина прошел наверх с двумя большими коробками, а через некоторое время спустился с ними же и уехал.

– Дети, наверное, после этого визжали от радости? – улыбаясь, спросил Гуров.

– Нет, это уже потом было, а в тот момент они спали, – объяснила Олеся. – Но уж когда проснулись, крику было!

– Представляю себе, – покивал Лев Иванович. – Значит, потом вы отнесли наверх обед?

– Нет, хозяйка сама за обедом пришла и наверх забрала.

– Вот это да, – сделал вид, что удивился, Гуров. – И как же она это объяснила?

– Никак, – покачала головой Олеся.

– А вы, что, не спросили у нее?

– Да вы что?! – всплеснула руками женщина. – Здесь это не принято.

– Олеся, вы можете говорить совершенно свободно, ее в доме нет. И потом, вы же здесь больше не работаете. Она, что, была очень строгой хозяйкой?

Женщина повернулась к Погодину, явно ища подтверждение словам Гурова, и тот успокаивающе ей сказал:

– Нет ее здесь! И, надеюсь, больше никогда не будет.

– А-а-а, – с облегчением протянула Олеся. – Ну, тогда чего скрывать-то? Боялись мы ее до ужаса. Она ведь ведьма настоящая! Вот вы, городские, в такие вещи не верите, а они есть! – убежденно сказала женщина.

– И в чем же это проявлялось? – поинтересовался Гуров.

– Да одни ее глаза чернящие чего стоят! Она как глянет, так мороз по коже, и руки дрожать начинают, а уж ноги сами собой подкашиваются. И стоишь ты перед ней, как кролик перед удавом, а она все взгляд не отводит, своей властью наслаждается. Злая она! Мы даже с Галиной уйти хотели, но уж больно зарплата хорошая была. Да ведь и новое место не сразу найдешь, тем более вдвоем – мы же с Галькой с одного городка, как же нам разлучаться? А вдвоем спокойнее.

– Ну, с мужем своим, надеюсь, она добрее была? – как бы между прочим спросил Лев Иванович.

– Скандальить – не скандалила, ровная такая была. Точнее, равнодушная. Он к ней все «Ларочка» да «Ларочка», а она его только Николаем и звала. Он мимо нее спокойно пройти не мог: или погладит, или поцелует, легко так, в щеку, или в плечо, или в голову, а она... Ой, вы знаете, мне иногда казалось, что она его ненавидит, – призналась Олеся. – Я несколько раз ее взгляд замечала, когда она на него смотрела, а он не видел. Так он таким злым был, словно она его убить готова. И уж не знаю, говорить или нет... – засомневалась женщина.

– Говори все, – приказал Погодин.

– Ну, в общем, они, как муж с женой, почти не жили, – тихонько сказала Олеся. – Постели-то мы перестилаем, нам же видно. И вообще они по разным комнатам спали. Не мое, конечно, это дело, я же простая прислуга, но ведь непорядок это. А уж как хозяйка с детьми вернулась, так ни разу вместе и не побыли. Она в детской жила, а на ее постели няня с мужем спали, хотя им отдельную комнату внизу выделили.

– А что эти няня с мужем собой представляли?

– Наглые они поначалу были, особенно Тамарка, словно она здесь хозяйка. А Лариса Петровна с ней как с ровней обращалась, и с ее мужем тоже. Они даже за одним столом с хозяевами ели. А потом, уж не знаю почему, поскромнее стали себя вести, – удивленно сказала Олеся. – Но спали по-прежнему в комнате хозяйки.

– Наверное, Николай Степанович их на место поставил, – предположил Гуров.

– Да что вы! – отмахнулась Олеся. – Он не вмешивался ни во что, на все согласен был, лишь бы его Ларочке хорошо было.

Гуров посмотрел на Погодина, и тот с самым невозмутимым видом пожал плечами, словно давая понять, что не мог же он не вмешаться. Ну, пусть не лично, а через своих доверенных людей.

– А как уезжали они, так хозяйка ей почти весь свой гардероб отдала, хотя на Тамарку ничего и не налезло бы, – продолжала рассказывать Олеся. – У хозяйки после этого почти ничего и не осталось. А вещи-то все дорогие были!

– Вы в этом разбираетесь? – удивился Гуров.

– Так ей сюда постоянно разные журналы и каталоги по почте приходили, а она их через некоторое время выбрасывала. Ну а мы с Галькой их потихоньку забирали и рассматривали, – объяснила женщина.

– Ну, новое, наверное, купила, – небрежным тоном предположил Гуров.

– Да нет, – помотала головой Олеся. – Не стала покупать. Может, некогда ей было – она же одна с детьми осталась.

– Ну, вы ей, наверное, хоть чем-то да помогали? – спросил Гуров.

– Да вы что! – воскликнула Олеся. – Она к детям никого не подпускала, даже хозяина. А тот как с работы приедет, так первым делом к ним – любил он детей. Надыхаться на них не мог. Все просил, чтобы жена разрешила ему помочь их искупать или хоть покормить, а она ни в какую. Она и в детской-то не разрешала ему надолго задерживаться, минут на пять пускала и все, а потом Николая Степановича восвояси выпроваживала. Жалко нам его было прямо до слез. Он ведь человек простой, добрый, отзывчивый. На нас ни разу голоса не повысил, обращался уважительно. А она? Ну разве ж ему такая жена нужна?

– Сердцу не прикажешь, – развел руками Гуров. – Но давайте к нашему разговору вернемся. Значит, хозяйка сама за обедом спустилась, но за грязной посудой уже вы ходили?

– Да нет, она принесла. И ужин, кстати, тоже она сама забирала и посуду собственной персоной на кухню принесла. А еще сказала, что за кофе утром сама придет.

– Так получается, что после того, как игрушки привезли, вы детей и не видели ни разу? – небрежным тоном задал свой самый главный вопрос Гуров.

– Ну да! – спокойно подтвердила Олеся, не поняв, что этими двумя короткими словами раскрыта тайну, над которой месяц билась вся служба безопасности Савельева. – А потом уже,

утром, я ей кофе приготовила, а ее все нет и нет. Сама соваться в детскую я сначала не решалась, но уж когда давно время завтрака детей прошло, я и рискнула. Открыла дверь, а там!.. – она в ужасе прижала ладони к щекам. – Кроватки пустые, окно настезь, а хозяйка на полу лежит, руки сзади чем-то связанные, изо рта тряпка какая-то торчит, а глаза прямо-таки бешеные. И вонища в комнате страшная. Я перепугалась, ребят крикнула, чтобы они уж сами там с ней занимались, а сама на кухню убежала, но даже там слышала, как она кричала. А потом меня к себе позвала, посмотрела так, что у меня аж коленки подогнулись, и ледяным таким тоном сказала: «Ты, что же, не могла раньше прийти? Пошла вон отсюда, чтобы твоего духу здесь больше не было!» Ну я и пошла собираться. Тут и Галя появилась, чтобы смену принять. Рассказала я ей обо всем, поплакали мы – детей-то жалко! А еще Николая Степановича – он же их так любил! Собрала я вещички, а тут и Сергей Владимирович приехал, поднялся к хозяйке, а потом спустился и мне сказал, что я уволена – он вообще, как и хозяин, с ней всегда и во всем соглашался. Ну, ребята меня до остановки автобуса подбросили, и поехала я к подружке нашей, что здесь в Москве замуж вышла и теперь живет. Остановилась я у нее и начала новую работу искать. Тут-то меня Леонид Максимович и нашел. А больше я и не знаю, чего говорить.

– Спасибо, Олеся, вы нам уже все рассказали. А теперь идите, пожалуйста, на кухню и помогите Гале с обедом, потому что, как я понял, народу здесь сегодня значительно прибавится.

Женщина растерянно посмотрела на Погодина, который подтвердил:

– Да, ступай. Я тоже временно здесь жить буду.

Олеся ушла, а Гуров тяжелым, недобрый взглядом уставился на Тимофеева. Ох, и много хотелось ему высказать в адрес своего бывшего коллеги, но он сдержался, ограничившись замечанием:

– Что же ты, Сергей, так лопухнулся? Ведь все на поверхности лежало, – а потом повернулся к Погодину: – Я так понял, что отношения со всеми необходимыми структурами вы наладили? – Тот кивнул. – Тогда выясните...

Но в этот момент у Леонида Максимовича зазвонил телефон и он, выслушав, спросил:

– Гуров, что у вас с сотовым? Он прочему-то не отвечает.

Лев Иванович достал свой мобильник и увидел, что тот разрядился.

– Тьфу ты, черт, как не вовремя! А что случилось?

– Да Ежик ваш все выяснил, но уперся и сказал, что доложит только вам.

Гуров направился к нему, а Леонид Максимович сказал в телефон:

– Передаю трубку.

– Лев Иванович, я все сделал! – радостно сообщил Ежик. – Все удаленные файлы восстановил. А сейчас я в круглосуточном интернет-кафе, откуда эту фотку отправили, и здешний комп весь прошарил. В общем, это мужик какой-то был, у него тут почтовый ящик, и я всю его переписку на флешку скинул. Так вот, он эту фотку из Америки получил, а потом на ваш комп отправил. Адрес в Штатах у меня есть. Пробивать?

– Да, но очень аккуратно, а то, черт его знает, чей он. А что за мужик?

– Мы тут его фотку с камеры наблюдения надыбали, могу прислать.

– Куда? – выразительно спросил Гуров. – Ноутбук у вас, а мой телефон разрядился. Хотя, – он посмотрел на телефон Погодина, – пришли ее на этот номер, а, как закончишь, отдай все человеку, который тебе компьютер привез, и спасибо тебе за помощь. Кстати, скажи, чтобы тебя домой отвезли.

– Ха! Да мне столько заплатили, что я могу нанять свадебный лимузин и целый день в нем по Москве кататься, – рассмеялся Ежик.

– Это уже дело твое, – заметил Лев Иванович и, отключив телефон, осуждающе сказал Погодину: – Разбалуете вы мне мальчишку! – и добавил: – Сейчас на ваш телефон придет фотография мужчины, что прислал сюда фотографию. А дети, как оказалось, уже в Америке.

И увезти их туда могли только непосредственно в день похищения, что значительно сужает круг поисков и...

– Уже все понял, – перебил Погодин и, взяв у сыщика свой телефон, начал кому-то звонить, а закончив разговор, пообещал Гурову: – Мухой обернутся. А мужика этого мы найдем! Раз он Кольку из дома выманил, значит, и в засаде он сидел. Он, паскуда, нам и за смерть Олега ответит, и за ранение Коли! – прорычал он.

– Не есть факт! – остудил его пыл Гуров. – Но найти его все равно надо. А теперь разбор полетов, – он в упор посмотрел на Тимофеева. – Это ты посоветовал Николаю Степановичу обратиться ко мне?

– Я, – понимая, что сейчас ему туго придется, Сергей Владимирович опустил голову.

– С вашего позволения, Леонид Максимович, я кое-что поясню, – начал Гуров. – Ваш друг, зная о моей дружбе с одним своим соседом, попросил его связаться со мной, чтобы я, просмотрев собранные документы, посоветовал, что еще можно сделать, потому что напрямую обращаться в полицию боялся. За этого соседа я ручаюсь как за себя, потому что у него самого две маленькие дочки, которых он обожает, и поэтому, поставив себя на место Савельева, ни в коем случае никому ничего не сказал бы. Разговаривали мы с ним наедине, а в «дипломате», который он мне опять-таки дал без свидетелей, могло быть все, что угодно. Я эти бумаги до поздней ночи изучал, а потом положил в свой сейф. Делиться своими служебными делами с женой у меня не принято. Савельев, само собой, никому ничего говорить не стал бы, да и кому? Жене, которая настаивала на том, чтобы он ни в коем случае не обращался в полицию? Нет, он, – выделил Гуров, – ей, я уверен, ничего не сказал. А поскольку выяснилось, что она сама то ли спланировала, то ли просто участвовала в похищении собственных детей, то можно предполагать, что сигнал к отправлению фотографии дала также она, особенно если учесть приписку «Тебя предупреждали». Отсюда вопрос: от кого же она узнала, что Савельев ко мне обратился? Кто у нас такой до полного идиотизма добренький? А, Сережа? Уж не ты ли язык распустил? – Голос сыщика зазвенел от злости.

– Да просто жалко мне ее стало, вот я и... – не поднимая головы, ответил Тимофеев. – Она так переживала, что я не выдержал и сказал ей, что напрямую в полицию Николай Степанович обращаться не будет, но проконсультируется с очень знающим человеком, который сможет разобраться в этой истории.

– Ты на кого работал, паскуда? – загремел Погодин. – Тебе кто зарплату платил? Эта сука или Колька? Ты чьи интересы должен был соблюдать? Или ты с ней во всем всегда соглашался, зная, что Колька у нее на поводу идет? Вот и подлизывался, чтобы, если он все-таки разберется, какое ты ничтожество и захочет тебя выгнать, она за тебя заступилась и ты на теплом месте остался! Пошел вон отсюда! А уж я позабочусь, чтобы тебя впредь даже в магазин охранником не взяли! Нет, я, конечно, когда ты к Кольке на работу поступил, о тебе справки навел, и мне сказали, что ты честный дурак. Вот я и подумал, что вреда от тебя не будет, потому что Кольку наши верные люди окружают. Но кто же знал, что ты до такой степени дурак?

– Подождите, Леонид Максимович, пусть остается, – попросил Погодина Гуров. – Может, придется еще что-нибудь выяснять, вот он и пригодится.

– Да на что он может пригодиться? – махнул рукой Погодин.

Тут у него в руке пискнул телефон, и он, посмотрев на присланную фотографию, очень живописно выругался – раньше-то он, видимо, изо всех сил сдерживался, чтобы не выглядеть совсем уж отпетым уголовником, а вот сейчас отвел душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.